

Наш Миронич

(Воспоминания об Иосифе Айнбиндере)

Закрываю глаза и сквозь дымку лет вижу Иосифа Мироновича - еще молодого, энергичного, всегда оптимистичного, с грубоватой иронией («идем ко дну, но не сдаемся»). Хватает за рукав: «Пойдем, я хочу на тебе проверить, как на подопытном кролике...» - далее излагается идея, которой он уже утомил всех друзей, а заодно и раздражил недругов.

«Ну, как ты считаешь, это разумно, это логично?». Да, отвечаю, только не все, что разумно и логично, будет принято. «Ты оппортунист и приспособленец (это он мне), а я знаю, что рано или поздно разумная идея победит». Он всегда был бескомпромиссным бойцом и неисправимым оптимистом. Человек мужественный, с философским взглядом на жизнь - он, уже постаревший, спокойно смотрел на свою близкую перспективу и ни на что не жаловался.

Незадолго до смерти в одном из телефонных разговоров он, как всегда, рассказывал о своих очередных победах над врагами и вдруг сказал: «Я себя неплохо чувствую, только ходить стало трудно». Он уже не ходил, ему к дивану подкатывали столик с компьютером, и он работал: голова у него оставалась ясной до конца. В один из серых, слякотных вечеров мне позвонил Дима Петров: «Ты знаешь, что вчера умер Айнбиндер?». Утром мы были в морге: я, Дима, Арон Бужанский и Андрей Протодьяконов. Говорят, что видели и Хевролина, с которым Иосиф в последние годы часто перезванивался. Кроме нас и малочисленной еврейской родни Иосифа из близких ему людей не было никого. На поминки мы не поехали, зашли ко мне домой, я жил тогда недалеко от Таганки, выпили бутылку водки, вспомнили Иосифа. Вот и все.

Как описать яркую личность? Я же не писатель. Слова пробуждают память у тех, кто Иосифа знал. А у тех, кто не знал, никаких ассоциаций не возникнет. Промелькнул метеор и исчез. А сколько таких метеоров прочертило небо на моих глазах - всех и не упомнишь. И все же Иосиф Миронович - случай особый. В моем становлении как специалиста он сыграл главную роль, да и в плане личных отношений мы были товарищами. Он считал себя старшим товарищем, и как бы опекал и учил жизни, а я не возражал против этой роли. Так что попробую вспомнить благословенные для меня 60-70-е годы через свое восприятие.

Впервые я встретился с Иосифом Мироновичем (далее для краткости И. М.) в далеком 1958-м году. Тогда я, еще молодой инженер, отработав 3 года «обязаловки», искал работу более интересную, и более престижную. Мой институтский приятель - Миша Немировский, впоследствии известный специалист в области систем военной космической связи, решил пристроить меня в свой НИИ, (он уже трудился там второй год). Чтобы никто меня не

перехватил по пути в отдел кадров, он предварительно решил познакомить меня со своим приятелем (впоследствии, увы, их пути разошлись), который искал сотрудников для вновь образованного сектора. Я увидел крепкого, плечистого мужчину с фигурой скорее борца, чем ученого. Могучие руки с ладонью с лопату и мощными пальцами. Как-то впоследствии, он по какому-то поводу вспомнил, что, будучи в разведке, ему пришлось сойтись с немцем врукопашную. О судьбе немца он не распространялся: И.М. не любил говорить с нами о войне.

Известно, что в качестве рядового автоматчика он прошел от донских степей до Германии, был ранен, имел боевые награды, в том числе солдатскую медаль «За отвагу», которой очень гордился. Он потерял своих родителей в оккупированной Одессе, и у него был свой счет к немцам во время войны.

Однако, вернемся к нашей встрече. И.М. был человеком увлекающимся, и обладал даром увлекать слушателей. Он держался со мной очень демократично, как равный с равным, рассказывал о научных и технических проблемах, которые нам, совместно (!) предстоит решать. Мне, молодому и неискушенному в науке человеку, не очень было важно, в какой области науки начинать свою карьеру, но И. М. меня сумел заинтересовать.

Однако путь к нашей многолетней совместной деятельности оказался не простым. Кадровикам нужно было заткнуть кадровые бреши в отделах, выполняющих плановые ОКР, а за НИР, которым занимался И.М., у них голова не болела. Как сказал мне тогда главный инженер НИИ А. Д. Князев (он занимался набором специалистов): «Все хотят заниматься наукой, а работать некому».

В течении полугода меня таскали по подразделениям НИИ, предлагая различные варианты трудоустройства, но я держался стойко. На мою удачу, в НИИ организовался научно-технический отдел, для которого разрешили набор кадров, и я таки попал в сектор, которым руководил И.М.

Начальником отдела был милейший человек Ник.Ник. Несвит. В научные дела И.М. он абсолютно не вмешивался и предоставлял тому полную творческую свободу, а поэтому был единственным из начальников И.М., с которым он не скандалил, и у них сохранились достаточно дружеские отношения. И.М. был абсолютно независимым человеком, и указаний от начальства по своей работе не терпел, вследствие чего у него возникали постоянные конфликты со своими последующими руководителями. К счастью для него, руководили НИИ в те времена люди интеллигентные, либеральные, ученые с широким кругозором, которые хоть и морщились иногда, но терпеливо выдерживали характер И.М.

Пройдет с десяток лет, придут иные порядки и иные руководители, с которыми воевать И.М. приходилось гораздо серьезнее, и не всегда победоносно. Но это уже другая история, а в описываемое мной время ему

поручили НИР, и он набирал коллектив. Тематика НИР (И.М. назвал тему с некоторой претензией - «Молния») заключалась в поиске путей повышения чувствительности линейных трактов приемных устройств, а по существу – к снижению уровня собственного шума входных каскадов приемников за счет оптимизации схемотехнических и конструктивных решений с использованием как традиционной элементной базы, так и путем освоения новой элементной базы и новых физических принципов малошумящего усиления. Нам нужно было разобраться в основополагающих понятиях, определить условия оптимизации по шуму для различных устройств, подтвердить расчеты экспериментами, разрабатывать малошумящие устройства на новых принципах.

В 1958-м году появился перевод монографии Ван-дер-Зила «Шумы радиоприемников», в которой было показано, что максимальная чувствительность радиоприемников достигается путем подбора оптимального импеданса со стороны источника сигнала, притом индивидуального для различных типов приборов. Эта книга вдохновила И.М. на поиски оптимизации по шуму для ламповых, затем транзисторных, позже для других типов малошумящих устройств. Это время совпало с появлением транзисторов, затем параметрических и туннельных усилителей на отрицательном сопротивлении. Открылось непаханое поле для научных идей, статей, монографий, диссертаций и. т. д., и И.М. с увлечением ринулся в эту область науки. Наконец, И.М. считал очень важным внедрить наши научные идеи в практические разработки НИИ. Мы должны были подтверждать нашу полезность. К моему приходу в секторе у И.М. уже работали 2 человека, техник Раечка и молодой специалист Алексей Касаткин, возглавивший впоследствии разработку бортового оборудования для спутников «Метеор».

Через несколько месяцев к нам присоединились еще двое: молодой специалист-физик Саша Орлов и техник Юра Коптев, который стал моей правой рукой при проведении практической отработки и настройки экспериментальных образцов наших задумок. Юру Коптева к нам привел сам директор Л.И.Гусев (впоследствии директор небезызвестного НИИ космического приборостроения), которому Юра, тогда еще линейный техник МГТС, поставил телефон в новой квартире, а заодно отремонтировал телевизор. Л.И. решил, что толкового юношу надо забрать к себе, а поскольку он был в курсе наших кадровых проблем, то передал его И.М.

Через несколько лет Юра окончил вечернее отделение МЭИ и стал хорошим инженером. Что касается Саши Орлова, то впоследствии он стал заметной фигурой в отечественной космической отрасли, возглавив разработку бортовых ретрансляторов спутников связи «Молния-2», «Молния-3», и серии спутников «Ямал». Как-то сам собой напрашивается вопрос, а почему все молодые ребята, которые начинали свой путь у И.М., в

конце концов «вышли в люди», и стали не последними специалистами в нашей отрасли. Это наблюдение относится, кстати, и к последующей за нами генерации его сотрудников. То ли это был безошибочный выбор, то ли это был правильный педагогический процесс, то ли атмосфера в секторе располагала к творческой отдаче. Я думаю, что и то, и другое, и все в совокупности.

Насчет выбора кадров... НИРы снабжались всегда по остаточному принципу: бери, что дают. «Вот пришел к нам физик, все от него отказываются, хочешь побеседовать?» - звонят из кадров. Так появился у нас Саша Орлов. Интуиция у И.М. была, но выбор для него был ограничен. Были, конечно, и случайные люди, но они быстро исчезали, не оставляя следа. Был ли он хороший педагог? Безусловно, потому что у него была методика. В своих мечтах он хотел быть во главе маленькой научной школы, а мы, его окружение – учениками и соратниками, которых он хотел подтянуть до сопоставимого с ним уровня. Подготовка «учеников» велась продуманно и методично. Сначала ознакомление с технической литературой по теме, затем маленькие семинары по основным моментам теории, макетирование – иногда своими руками. Через полтора-два года мы дозревали до более серьезных заданий уже в интересах тематики НИИ.

У нас была практически полная творческая самостоятельность при конкретном проектировании. И.М. обозначал цели, например, Солошеку – поручаю разработать в рамках НИР параметрический усилитель для радиотелескопа АН в Крыму в соответствии с таким-то ТЗ. Далее И.М. обеспечивал организацию процесса, т. е. доступ к снабжению, планирование на опытном заводе изготовления мат. части, контакты с заказчиком. В детали процесса разработки он, практически, не вмешивался: крутись-вертись сам. Ему гораздо интереснее было общаться с академиками. А мы, вдохновленные доверием, как говорится, рыли носом землю. Иногда И.М. устраивал конкуренцию, поручая решение одной и той же задачи разными способами разным сотрудникам. Это дополнительно подстегивало, и с, другой стороны, не приводило к расслабленным взаимоотношениям сотрудников в секторе.

И.М. – инженер с большим практическим опытом – учил нас взаимодействовать со всеми службами НИИ. Знакомил с конструкторами, технологами, опытным производством и др. Он придавал огромное значение личным контактам и водил меня, буквально, за руку по подразделениям НИИ. Должен сознаться, что впоследствии неоднократно и бессовестно использовал личные связи, чтобы вне плана что-либо изготовить в интересах текущей работы. И.М. всячески содействовал обмену опытом с другими предприятиями отрасли, как он говорил «перекрестному опылению мозгов», но это было не просто осуществить из-за всеобщей закрытости НИИ. И когда в Москве возникли межотраслевые семинары по освоению новой

элементной базы и новых принципов усиления (в частности - ныне забытых параметрических усилителей), он настаивал на нашем личном и постоянном в них участии, освобождая при этом от текущих работ. Поэтому мы всегда знали, где что делается, могли сопоставить свой технический уровень с «передовиками», а иногда кое-что перенимали, сокращая время своих разработок. И.М. всячески поощрял нашу «писательскую» деятельность и, используя личные контакты, продвигал в печать наши первые опусы. Ему было лень их читать, а тем более - вступать в дискуссию с самолюбивыми авторами. «Знаешь, говорил он мне, я в твоей статье ничего не понял, но пусть ее публикуют, может кто-нибудь и разберется». Критика его, если и была, то очень деликатной. Добиваясь для себя творческой свободы, он признавал это право и за другими. Его помощь в подготовке к защите наших диссертаций была чисто организационной. В существо нашей «писанины» он не вникал, но, зная технологию защиты, подбирал нам маститых руководителей «с именем» и оппонентов, инициировал отзывы и т.д.

Атмосфера в секторе была очень свободной и товарищеской. Все можно было обсуждать, обо всем спорить. И.М. был генератором идей, он подбрасывал их нам, как кости, а мы их пытались грызть, и иногда вынуждали И.М. еще раз хорошо подумать.

Поначалу он был не очень силен в формальном математическом аппарате, принятом для расчетов в СВЧ, и Саша Орлов не раз прижимал его к стенке: «А вот здесь у Вас ошибочка вышла, уважаемый И.М.». Иосиф уходил, а через несколько дней на очередном обсуждении мы слышали отголоски собственных идей, но препарированные и изложенные очень логично. Он умел учиться и впитывал интересные идеи, как губка. Я думаю, что в душе он был доволен нашим «критиканством», т. к. избежал многих досадных ошибок.

Научным методом И.М. было глубокое проникновение в физическую основу изучаемых процессов. Формальная математика не удовлетворяла его. «Я должен прочувствовать это пузом» - любил он нам говаривать. И, действительно, в последней его монографии «Шумы радиоприемников» основные понятия и проблемы построения маломощных устройств изложены именно на базе физических принципов, стройно и доступно.

Специалисты НИИ послевоенной формации, воспитанные на выпусках небезызвестной Массачусетской серии, плохо воспринимали новации И.М. К примеру, для них согласование с антенной по мощности было основной целью построения входной цепи приемника. А оказалось, что это не так. Кого-то раздражала и новая терминология: вместо привычной чувствительности - спектральная плотность шумовой мощности. Термины, взятые из термодинамики, казались научной заумью. У И.М. ушло много времени и сил на индивидуальную разъяснительную работу с маститыми

членами НТС, чтобы они хотя бы понимали, о чем идет речь, и у них не возникли сомнения в положительных результатах нашей НИР.

Вообще, он готовился к каждому НТС как к боевой операции. Прогнозировал поведение членов НТС. С друзьями все было ясно, с нейтральными – тоже (они обычно спали на НТС), с оппонентами пытался вести предварительное обсуждение, чтобы нейтрализовать их на дальних подступах. И.М. обычно шутил: «Мы-то знаем, какие мы великие, но надо, чтобы и другие это поняли».

О своих сотрудниках И.М., в меру своих возможностей, заботился. Создавал положительный имидж у руководства, пытался пробивать должности и оклады, не всегда с успехом. Он был в курсе личной жизни сотрудников, иногда приходилось помогать. Вспоминаю такой случай. Наш техник Юра вместе с двумя приятелями из других отделов НИИ решили отметить свое очередное повышение. Они расположились на лавочке в сквере у Крестьянской заставы и спокойно распивали «на троих». Сначала они получили замечание от бдительной старушки, но не вняли. Она привела милиционера. Наша троица дружно послала его далеко, а Юра, как он выразился, поправил ему галстук. Далее была вызвана милицейская коляска, и всех троих, как в известном фильме Гайдая, отправили в КПЗ. В милиции выяснилось, что двое приятелей имели при себе партийные билеты, и их через несколько часов выпустили, а беспартийный Юра застрял. К тому же он злостный, т. к. дернул «мента» за галстук. В общем, Юре грозило дело, и И.М. энергично взялся за его освобождение. Он инициировал профсоюзное собрание отдела, в решении которого мы брали Юру на поруки и перевоспитание. Далее И.М. надел все свои фронтовые регалии и с нашей резолюцией отправился к начальнику отделения милиции. О деталях разговора он не рассказывал, но Юру вытащил.

Еще один случай. Мало кто знает, что в молодые годы Саша Орлов, как говорится, «зашибал». Приходил домой поздно, и в подпитии. Сашин тесть позвонил И.М., и просил помочь. И.М. очень ценил Сашу, и он встревожился. Знаю, что он беседовал с Сашей, и даже ездил к Саше домой. Какие педагогические приемы были при этом использованы, не знаю, но результат оказался положительным. А вот привлекать административные методы управления он не любил и не умел. Ему было комфортно в среде увлеченных работой, а с людьми равнодушными, ленивыми он просто не знал, что делать. Он не умел или считал нецелесообразным кого-то заставлять, предлагая нам самим одевать ежовые рукавицы. С переходом НИИ на космическую тематику кадровый состав резко увеличился, но появилось много случайных людей, избавиться от которых по нашему законодательству было практически невозможно. Вот и приходилось, как говорится, не мытьем, так катаньем: снижать премии, «забывать» очередное повышение и

т.д., пока обиженный сотрудник сам не увольнялся. Кстати, на новом поприще люди иногда находили интересную работу.

Это анекдот, но один из ушедших сотрудников искренне благодарил меня за то, что я во время его вытолкнул из НИИ. Но И.М., как истинный олимпиец, эти грязные дела поручал нам. А уж когда нужно было послать кого-то в колхоз, И.М., как настоящий демократ, говорил: «Ну, вы посоветуйтесь и назовите мне фамилию». Советовались, совещались, пришлось назвать себя. «Ну что ж, вздыхал И. М., раз так решили – поезжай». Он органически не мог, или не хотел заставлять, он работал с подчиненными через научный интерес.

При всей увлеченности в науке, И.М. был вполне практичный человек. Наша НИР «Молния» стала основой его докторской диссертации. В диссертацию вошли и те разделы, которые содержали материал его «учеников». Но на это мы сразу дали свое согласие. При подготовке разделов, посвященных устройствам на новых физических принципах, И.М. довелось общаться с такими корифеями как Прохоров и Штейншлейгер, он был на короткой ноге с Эткиным и другими специалистами по параметрике. Меня всегда поражало, что они общались с ним на равных. Для И.М. авторитетов не существовало, он со всеми держался очень уверенно. Несмотря на то, что с русской речью у него не все было ладно (у него был неистребимый еврейский акцент), он выражал свои мысли четко и складно, и собеседникам разговаривать с ним было интересно. Это факт, который я лично наблюдал. Эти серьезные знакомые из мира физики не только прислали хвалебные отзывы на его докторскую диссертацию, но и пристроили его в академический Дом Ученых, попасть в который ученому из отрасли было делом почти невозможным. Ему как фронтовику много чего было положено в НИИ: и машину, которую впоследствии украли, и дачный участок, который ему был абсолютно не нужен. А вот квартира, конечно, пригодилась. Сначала он получил квартиру от НИИ в Текстильщиках, а затем с привлечением собственных средств обменял ее на трехкомнатную квартиру в солидном особняке начала XX века по ул. Солженицына. Огромная кухня, потолки высотой 3 м, относительно тихая улица. И.М. квартира очень нравилась. В ней он жил до конца своих дней.

Шли годы, «ученики» кое-чему научились, их уже достаточно хорошо знали в НИИ, и назревал вопрос, а как жить дальше? К этому времени НИИ стал переходить на космическую тематику, и ему была поручена разработка нескольких типов бортовых ретрансляторов для спутников космической связи, первым из которых был небезызвестный спутник «Молния-1». Квалифицированных кадров для обеспечения работ не хватало. И.М. очень хотел возглавить комплексное подразделение по разработке бортовых ретрансляторов, а нас привлечь в качестве своих ближайших помощников. Он не раз делился с нами этой идеей, и выходил с этим предложением к М.Р.

Капанову. Безусловно, по делу, трудно было найти лучшую кандидатуру: большой инженерно-технический опыт со значимыми результатами, научная эрудиция, умение организовать проведение работ. Но И.М. и сам понимал, что шансы на осуществление этой мечты были нулевые. Такие политически значимые работы, за которыми следило министерство, в административной системе того времени требовали от начальства определенной перестраховки. А тут – беспартийный, еврей и, самое главное, упрямый в своих решениях и неуправляемый И.М. Конечно, предложение тогда не прошло. А меня и Сашу Орлова просто забрали из коллектива И.М. на выполнение других, уже чисто прикладных, работ. Поскольку мы шли при этом на повышение, И.М. скрепя сердце смирился с ситуацией, но было ясно, что история первого коллектива И.М. на этом закончилась.

После нас коллектив И.М. возродился уже с другими людьми, и для решения других задач, но это другая история, в которой я не был участником. Как я ранее упоминал, Саша Орлов после ухода от И.М. стал впоследствии главным конструктором бортовых ретрансляторов для ИСЗ «Молния-2» и «Молния-3», а с развалом МНИИРС, в составе НПО «Энергия», для ИСЗ серии «Ямал». Мне для начала пришлось заниматься линейными трактами бортового ретранслятора «Альфа» для ИСЗ «Молния-1», в последующем я от бортовых ретрансляторов отошел. А И.М. остался верен космической тематике, впоследствии ему была поручена модернизация бортового ретранслятора для ИСЗ «Молния-1 (тема «Бета»), которую он провел, как всегда, на «отлично», и закончил внедрением в серию на Ярославском радиозаводе. В выполнении этой работы участвовал А.Касаткин и А.Вильшанский. Затем И.М. возглавил разработку и внедрение в серийное производство спасательного радиобуя «Коспас».

Это был очень интересный творческий период в жизни И.М., но я плохо знаю детали этих работ, и пусть об этом напишут их непосредственные участники. Меня к этому времени «кинули» на совсем другое направление, и появились другие заботы. Время от времени мы встречались с И.М. в коридорах НИИ, а после моего ухода из МНИИРС перезванивались. И.М. излагал свои идеи, до меня доносились отголоски его бурных споров с оппонентами. «Я написал докладную записку (директору, в министерство, в администрацию президента и т. д.), хочу, чтобы ты послушал» и далее разговор на 30-40 мин. С новыми директорами (Биленко, Лисин) у него не сложились отношения. Эти руководители были скорее чиновниками, чем учеными с научным кругозором. Независимость И.М. их крайне раздражала. В последующем, когда И.М. переключился на вопросы системного характера, по которым у него были оригинальные идеи, поддержку руководства И.М. не получил. Разработка системы требовала средств, кооперации и координации работ нескольких предприятий и, конечно, не могла пройти без согласия и непосредственного участия дирекции НИИ. Но И.М. не тот человек, который

может смириться с административными методами управления наукой. Началась война И.М. с директором (им тогда был Биленко) за право вести НИР в рамках своего творческого видения. И.М. много времени и сил тратил на отстаивание своих технических позиций, которые он считал государственно правильными. В поисках союзников И.М. обращался в министерство, и даже в администрацию президента. Его эрудиция и убежденность в правоте своих идей производила впечатление на слушателей. Биленко приходилось отбиваться от многочисленных запросов и проверок, инициированных И.М.

Наконец, противостояние достигло критической точки, и И.М. уволили по надуманному предлогу. Суд, естественно, увольнение отменил, все-таки И.М. был ветераном войны. Его увольняли трижды, и трижды суд отменял увольнение.

Сказать, что он во всем казался мне тогда прав, не могу. Я считал, что он растрчивает на «войну» с административной системой слишком много времени, свой талант и энергию. Свои сомнения и возражения я высказывал, но И.М. не всегда это нравилось: если он не мог меня переспорить, он говорил «пошли по домам», или, если мы спорили по телефону, просто бросал трубку. Может быть, И.М. хотел получить от своего «ученика» не столько его здравый смысл, сколько просто человеческую поддержку – кто знает, но, как говорится, поезд ушел.

В конце концов, он уволился из МНИИРС по своему желанию, поработал на другом предприятии, где провел успешный эксперимент в рамках НИР по предлагаемой им системе, потом опять вернулся в МНИИРС (прежние директора уже исчезли) в качестве руководителя НИР. Но работа так и не перешла в ОКР и постепенно заглохла. В НИИ он уже не появлялся: ему трудно стало ходить, и работал дома. Он по-прежнему пытался вдохнуть жизнь в свое детище, писал письма, обращения, пытался пробить финансирование, но было ясно, что он уже не на коне. Об одиссее его последних лет я знаю только по телефонным разговорам с И.М.

Может быть информацию добавят непосредственные участники этой работы.

Об И.М. можно сказать, что жил человек страстями. Его главной страстью была наука. Она была, как говорится, ему «в кайф». Поломать голову, решить научную и прикладную задачу - это же так интересно, а главное, шутил И.М., это удовольствие за государственный счет. По свойствам своей природы он всегда стремился к изящным, красивым инженерным решениям, но очень важным для него, чтобы эти решения были жизнеспособны при серийном выпуске на заводе и эксплуатации. И.М. был, как это ни странно при его либеральных взглядах, российским патриотом, и ощущал свою ответственность за практические результаты работы по оборонной тематике.

И.М. окончил с отличием Одесский Институт Связи в послевоенные голодные годы. Приложить свои способности в Одессе было негде, и И.М. отправился покорять Москву. Поначалу ему пришлось нелегко: «спал на скамейке» (слова И.М.). Потом его «оженили», жить стало легче. Он устроился на работу в НИИ-695 (впоследствии МНИИРС). Его первой серьезной работой стала разработка первого в СССР переносного приемника «Воронеж». Поначалу разработка приемника была поручена Воронежскому РТИ (директором там был тогда Биленко А. П.), но по каким-то причинам разработка не пошла, и ее перехватил НИИ-695 (а конкретно – И.М.), и работу успешно выполнил. Впоследствии он нелюбовь к себе Биленко объяснял именно злопамятством. Человеком И.М. был честолюбивым, и для него было немаловажным признание коллегами его заслуг. Но борьба за свои технические идеи велась иногда столь активно и бескомпромиссно, что некоторых коллег это коробило («Иосиф-нахал» и т.п.), а у других вызывали зависть его творческие успехи.

У И.М. был менталитет фронтовика-автоматчика, который привык преодолевать любые преграды, но в НИИ лобовой штурм – это не всегда кратчайший путь к цели. Коллеги по работе тоже имеют свои точки зрения и свое самолюбие, а есть еще и начальство, которое руководствуется иногда своими соображениями, симпатиями и антипатиями. Поневоле приходится быть дипломатом. Удивляюсь, как он при своем интеллекте и житейском опыте не хотел принимать это во внимание. Впрочем, тогда бы он не был Айнбиндером, а был бы такой, как все. Воистину, человек – раб своей натуры. Вспоминаю дискуссию по передатчику РТР «Бета»: на какой элементной базе строить передатчик: ЛБВ или СВЧ ламповом триоде. И.М. как главный конструктор предлагал в качестве элементной базы выбрать СВЧ триод, специалисты в своей области, предлагали ЛБВ, как прибор значительно более долговечный, что существенно для ИСЗ. Но И.М. не сдавался. В результате долгой дискуссии, в которую втянули весь НИИ, включая и руководство, был принят вариант с ЛБВ, т.к. это позволило бы получить значительный выигрыш в массогабаритах РТР, а его оппонент, начальник отдела передатчиков В.И. Каганов был, вычеркнут из числа близких друзей. Положим, сам В.И. Каганов, был известен как весьма компетентный оппортунист и приспособленец. Правда, потом они помирились.

И.М. любил работать в импульсивном режиме, бурный натиск мог смениться паузой. Вспоминаю, как после успешного проведения НТС по НИР И.М. стал регулярно исчезать во второй половине дня. Оказалось, что он стал брать уроки игры на фортепьяно. Он любил классическую музыку, но непонятно как с такими «граблями» И.М. намеревался освоить ф-но. Злые языки, правда, утверждали, что дело не в музыке, а в молоденькой преподавательнице. Женщины (или как говорил И.М., «бабы») были его

второй страстью, подозреваю, правда, чисто виртуальной. В беседах с нами он туманно намекал на свою опытность в этих делах. Что там у него, и с кем было, не знаю, но в реальной жизни он был прекрасный семьянин. Гедда, его жена, говорила нам: «Это же Иосиф! Не обращайтесь внимания на его болтовню!». В НИИ у И.М. было много знакомых дам. И.М. деликатному обращению был не обучен, и держался с ними накоротке. Мог облапить, мог грубовато пошутить. Но все это было шуточно и добродушно, и возмущения у дам, обычно, не вызывало. Но однажды он все-таки попался. Наш техник Раечка, симпатичная и серьезная девочка, пригласила И.М., как своего уважаемого начальника, на свою свадьбу. На свадьбе И.М. вел себя в привычном для себя стиле, после хороших слов обнял невесту и поцеловал. На беду И.М. жених оказался без чувства юмора, поцелуй показался ему слишком страстным, и он пустил в ход кулаки. Как рассказывают свидетели происшедшего, И.М. пришлось срочно покинуть мероприятие, а бедная Раечка пришла через 3 дня в слезах и подала заявление об увольнении. Правда, через несколько лет Раечка с этим дураком развелась.

В те благословенные для молодых ученых времена порядка в НИИ были вольные. Начальство обедало в общей столовой. У Капанова был отдельный столик, и когда он садился за него, то официантка приносила ему 50 г коньяку. Прочие ограничивались, обычно, бутылкой пива на двоих. Поскольку Капанову было скучно сидеть одному, он приглашал кого-нибудь в собеседники, и, довольно часто, нашего героя. Они были тогда в хороших отношениях. Позднее И.М. рассорился и с Капановым, называл его выжившим из ума, диктатором и т.п., а если с чем не был согласен, то пытался оспорить или игнорировать. Ясно, что такое поведение приводило к конфликтам, и очень жаль, что так случилось, т. к. Капанов с моей точки зрения был одним из наиболее умных и порядочных руководителей, который, кстати, ценил И.М. Но он был руководителем, т. е. он поручал, он приказывал. А как И.М. относился к приказам, с которыми не был согласен, я уже рассказал.

Модными веяниями того времени было предоставление «ученым» удлиненного обеденного перерыва, во время которого можно было не только пообедать, но и погонять по полю мяч (у нас рядом с НИИ была футбольная площадка). В коридорах стояли столы для пинг-понга, а в конференц-зале шахматные доски с часами. Обед растягивался до 3-х часов, в течение которого стоял треск шариков и удары по часам шахматистов, играющих в «блиц» на вылет. И.М. был одним из самых азартных игроков, играл со звоном, т. е. по ходу игры комментировал ходы своих соперников уничижительным образом. Он считался хорошим шахматистом на уровне НИИ и говорил, что свои силы оценивает на уровне 1 разряда. По летним выходным дням И.М. отправлялся в Сокольники или парк Горького, и там играл в шахматы с такими же, как он, любителями. Правда, когда у нас

приглашенный мастер спорта проводил сеанс одновременной игры, причем не глядя на доску, он выиграл у всех, за исключением Л.Л. Самуриной, у которой действительно был оформленный 1 разряд.

Художественную литературу И.М. не жаловал, во всяком случае, со мной он таких бесед не вел, хотя человеком был вполне просвещенным и придерживался либеральных взглядов. Любил пошутить, рассказать анекдот, но эстраду или самодеятельную песню не воспринимал. Любил классическую музыку и зимними выходными посещал концерты классической музыки в Доме Ученых.

В НИИ в те времена был в основном молодежный состав. А уж там, где трудятся молодые люди, официальные и неофициальные праздники сопровождались возлиянием. И.М., человек очень контактный, но я никогда (даже 9 мая) не видел И.М. с рюмкой спиртного в руке, ограничивался Боржоми. Как человек, прошедший войну, умудрился остаться трезвенником, не знаю. К тому же он и не курил. Поэтому в праздники ему было с нами не интересно, и он старался от нас улизнуть. Но день 9 мая был для него действительно святым праздником. Он приходил в белой рубашке с галстуком, в черном костюме, но без наград. После обязательного торжественного заседания в НИИ он отправлялся на встречу со своими фронтовыми друзьями, предоставляя нам полную свободу действий за уставленным бутылками столом.

Ну что ж, счастливого Вам пути И. М!..

Понимаю, что мое отрывочное воспоминание дает лишь бледный и схематичный образ живого и интересного человека, который оказал влияние не только на мою судьбу, а, пожалуй, на судьбы всех его учеников. Моя память уже не та, и я могу что-то интересное упустить, а чего-то просто не знаю. Думаю, что воспоминания об И.М. должны быть коллективным творчеством. Тогда наши воспоминания будут и полнее, и интереснее.

<http://www.geotar.com/ain/index.htm>

<http://www.geotar.com/ain/mironych.pdf>